

„Сов. молодежь“, г. Рига, 1978, 26 сент.

О «ТРЕХ ДЕТСКИХ РИСУНКАХ»

ЕСТЬ ТАКАЯ цепочка «композитор — музыка — слушатель». Композитор творит музыку, музыка ищет слушателя. Бывает, что находит не сразу — десятилетия спустя... Бывает, что находит мгновенно — но и теряет быстро. Сложные у них взаимоотношения — у музыки со слушателем...

А если музыка современна и своеобразна, строга и лаконична, вместе с тем — эмоционально насыщена, но не проста по структуре и по замыслу? Как быть с произведением, объединяющим все эти разнообразные качества? Кому оно адресовано?

— Вы пытаетесь воспроизвести портрет моего слушателя? — улыбается композитор Петерис Плакидис. — Не обязательно он должен быть знатоком и теоретиком музыки, хотя чем выше его музыкальная культура — тем лучше. Но обязательно другое. Он должен идти на концерт, не настраивая себя заранее на что-то конкретное, не прихватывая с собой свою «модель музыки», чтобы потом подгонять под нее услышанное... Оно, разумеется, в рамки не влезет, и слушатель скорее всего будет в недоумении. Мои произведения, пожалуй, надо слушать, откашавшись от всяких стереотипов, настроившись именно на

восприятие нового... Вот главное требование, и оно довольно легко выполнимо. Мне часто доводилось встречаться с людьми, о которых мог бы сказать без колебаний — да, это он, мой слушатель!

Что ж, попытаемся отбросить стереотипы и посетим премьеру трех миниатюр для скрипки, виолончели и клавесина в концертном зале Государственной консерватории...

После торжественных и мелодичных, внушительных по размерам произведений старинной музыки — три миниатюры, выполненные в нарочито «наивной» манере. Почти, как детский рисунок... Ведь пресловутые ребята «палка, палка, огуречик...» — это не конкретный человек, а «идея человека», его мгновенно узнаваемый образ. Дети на бумаге мыслят «образом дома», «образом дерева»... А в миниатюрах Плакидиса — обнаженный и предельно сконцентрированный «образ музыкальной мысли». И о них, о миниатюрах, рассказывать, мне кажется, просто невозможно — по крайней мере сейчас, сразу после премьеры. Единственная возможность обменяться мыслями по поводу этой музыки — это подойти к панино и развить намеченную композитором тему, по-свое-

му раскрыть зашифрованные им образы...

— Какова же дальнейшая судьба ваших миниатюр?

— Может, они войдут в учебную программу консерватории, и студенты будут изучать эти «детские рисунки»... Но хотелось бы, чтобы они остались и в концертных программах...

— А бывает так — вы писали музыку, думая об одном, а слушатель услышал совсем другое? Ведь музыка — искусство отвлеченных понятий. То, что для меня в сочетании звуков выражает напряженное раздумье, для моего соседа в концертном зале справа — всплеск отчаяния, а для соседа слева — что-нибудь еще...

— Такая возможность понимания музыки только радует. Если каждый слушатель находит в ней свое, значит, музыка многомерна, ее идеи и образы — выразительны и сильны.

О музыке он способен говорить долго и увлеченно. А вот о себе... Скупые сведения, деловитые «да» и «нет». Пожалуй, когда ему приходится писать автобиографию, на это он не расходует и полного листа бумаги. Впрочем, такой же «экономностью» он отличается и в своей работе — избегает

ПРЕДСТАВЛЯЕМ ДЕЛЕГАТА XVIII СЪЕЗДА ВЛКСМ

И О МУЗЫКЕ

лишних звуков и аккордов. Только это уже «лаконизм».

Серьезная потребность в творчестве возникла как раз на пороге юности. Увлечение Скрябиным, Прокофьевым, Бартоком, Шостаковичем. Потом — Вебер и Стравинский...

Тогда же шло становление ансамбля пантомимы под руководством Роберта Лигера. Петерис писал музыку для мимов. Может, его привлекал в этом искусстве жест, с предельной конкретностью выражающий мысль? Лаконизм и строгость пластики? Неожданная правда условного и отвлеченного? Пожалуй, эти качества и у мимов и у Петериса — общие.

После окончания вуза он заведовал музыкальной частью Академического театра драмы имени А. Упита. Потом вернулся в консерваторию, но уже педагогом, хотя связь с театром осталась. Вот и теперь в фойе консерватории висит афиша, извещающая о премьере спектакля «Январь». Внизу четко — «Музыка Петериса Плакидиса»...

1976 год. Петерис становится лауреатом премии Ленинского комсомола республики «за создание ряда камерных и симфонических сочинений». А еще на его счету — песни для хоровых коллективов и сольного ис-

полнения. Его раннее произведение — «Трио для скрипки, виолончели и фортепиано» — включено в учебную программу музыкальных школ.

— Ну а ваши планы на будущее?

Мы переглядываемся. Вопрос, конечно, не очень оригинальный... А Петерис, кажется, предпочитает отвечать на необычные вопросы. Но оба мы понимаем, без разговора о творческих планах не обойтись.

Вот-вот откроется съезд, времени для работы с исполнителями над «Переключкой» остается совсем немного. Впрочем, у Петериса свой, сугубо индивидуальный метод, который иногда заставляет действовать и «в порядке аврала»...

— Нельзя форсировать накопление впечатлений. Люблю стихи, театр, живопись, но чтобы увидеть прекрасное произведение искусства, немедленно им вдохновиться и начать творить — такого со мной теперь не бывает. Раньше случалось — и получались вещи очень уж наивные. Нет, должен пройти срок, ощущения должны наслаиваться друг на друга. Глядя на лес или море, я не слышу сию же минуту «музыку леса» или «музыку моря». Я услышу ее, может быть, несколько лет спустя... Отсюда — система моей ра-

боты, если ее можно назвать системой. Я не считаю день потерянным, если он не принес ни одного такта, ни одной музыкальной фразы. А Чайковский, например, считал, что композитор должен трудиться ежедневно, по старому правилу «nunc diu sine linia» — ни дня без строчки. И тоже был прав.

— Но «вдохновения» можно ведь и не дожидаться...

— Когда я работаю над музыкой к спектаклям и кинофильмам, у меня обычно в запасе не так уж много времени. И, знаете, это очень помогает! Чувствуя приближение «роковой минуты», собираешься с силами, все твои способности как бы мобилизуются. Творишь, не давая себе ясного отчета, откуда берется та или иная мысль. Просто приказываешь ей появиться — и она приходит. Думаю, тут и срабатывает накопленное в «пустые» дни. А потом, через время, пересматриваешь готовое с чувством удовлетворения. Так что метод работы — вещь сугубо индивидуальная.

Композитор молод, и искусство его — для молодых. Недаром он был делегатом XXI съезда ЛКСМ Латвии и избран делегатом XVIII съезда ВЛКСМ. Человек, верящий в единственно возможное решение той или иной музыкальной задачи, привыкший отстаивать свою точку зрения, понимает меру своей ответственности за созданную им музыку и за те чувства и мысли, которые она несет людям.

Д. ТРУСКИНОВСКАЯ.